



А. ПОХЛЕБКИН

Без шуток. О том, как не надо переводить остроты Бертрана Рассела

Британский философ Бертран Рассел (1872–1970) — третий лорд Рассел, внук дважды премьер-министра Великобритании Джона Рассела и крестник Джона Стюарта Милля — проделал уникальную, полную драматических поворотов литературную карьеру, дважды пройдя путь от любимца влиятельной и почтенной публики до травимого и высмеиваемого, но не поддающегося маргинализации ересиарха. Его авторству принадлежит более семидесяти книг и брошюр, а полная библиография его публикаций занимает три.

Период, к которому относится Нобелевская лекция Бертрана Рассела, занимает в его биографии особое — триумфальное — место. Как отмечал сам Рассел за год до своей смерти в автобиографии: «1950 год, начавшийся с вручения мне ордена “За заслуги” и закончившийся Нобелевской премией, ознаменовал, похоже, апогей моей респектабельности»*. Нобелевская премия по литературе была присуждена Расселу «как признание многообразия и значимости его произведений, в которых он защищает свободомыслие и идеалы гуманности»**. Представляя лауреата, ответственный секретарь Шведской академии Андерс Эстерлинг*** так описал мотивы решения:

«Эпохальные научные труды Рассела в области эпистемологии и математической логики сравнивают с фундаментальными достижениями Ньютона в механике. Но данная Нобелевская премия призвана отметить вовсе не эти достижения в узких отраслях нау-

* *Russell B. Autobiography. London, 2009. P. 502.*

** Nobel Media AB. 2016. The Nobel Prize in Literature 1950: Award Ceremony Speech. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/1950/press.html

*** Андерс Эстерлинг (Anders Osterling) (1884–1981) — шведский поэт, писатель и переводчик (с английского, немецкого, французского и итальянского); в 1941–1964 гг. — ответственный секретарь Шведской академии, в 35 лет был рекордно рано избран и в течение 62 лет рекордно долго оставался её активным членом.

ки. С нашей точки зрения, важно, что Рассел адресовал свои книги максимально широкой аудитории неспециалистов и тем самым в высшей степени преуспел в поддержании интереса к философии вообще. Всю свою жизнь он положил на вдохновенное оправдание здравого смысла».

В русскоязычной литературе представлены (нередко в купированном виде) двадцать книг и несколько крупных статей Рассела. Большинство из них знакомы мне лишь по обложке в силу следующих причин: моё знакомство с ними началось в конце ноября 2011 г., с прочтения отчета Рассела о его поездке в Россию — книги «Практика и теория большевизма». Мне сразу бросилось в глаза, что каждый раз, когда в тексте появлялось слово «буржуазный», оно было выделено курсивом и снабжено примечанием переводчика: «Курсив Рассела». Очевидно, что ни переводчик, ни редактор русского издания, выпущенного под эгидой Научного совета «История революций и социальных движений» Академии наук (уже распадавшегося тогда) СССР, не имели представления о разнице в использовании курсива в английском и русском текстах^{*}. С этого момента я перестал читать Рассела по-русски и продолжал по-английски, лишь иногда отмечая для себя в новых книгах особенно понравившиеся фрагменты и стараясь потом найти их в русских изданиях, если таковые имелись. В большинстве таких случаев я обнаруживал, что чем утончённее и глубже был текст оригинала, тем грубее и поверхностнее перевод, а в купированных изданиях — тем вероятнее, что именно данный фрагмент будет пропущен. Естественно, что подобная крайне выборочная проверка «методом тыка» не может служить основой для окончательного вывода об общем качестве всех или какого-то отдельного издания, но она позволила мне поставить необходимые вопросы и подсказала направления дальнейших поисков.

Кроме того, с ростом числа прочитанных мною книг Рассела я начал замечать, что у его литературного творчества есть одна важная для любого переводчика и критика особенность, которую, на мой взгляд, русские издания недостаточно принимают во внимание, — это внутренняя взаимосвязь разных произведений, о чём весьма красноречиво говорят не только косвенные обстоятельства (перекликающиеся документальные источники, персоналии, аргументы, факты, сюжеты и темы), но и прямое свидетельство автора.

^{*} В отличие от русского текста советского периода, где курсив, как правило, означает смысловое выделение, в английском он чаще используется в двух дополнительных функциях: как альтернатива нашим традиционным привычкам для выделения названий книг и периодических изданий и, как в упомянутом случае, для обозначения слов иностранного происхождения, которые следует произносить иначе, чем обычные английские слова.

Вспоминая в автобиографии время, проведённое в Берлине в работе над своей первой книгой, Рассел писал: «В этот период оформились мои интеллектуальные замыслы. Я решил не связываться с узкой специальностью, но посвятить себя литературе. Я помню ясный холодный день ранней весной, когда я гулял один по зоопарку, строя планы будущих работ. Я думал, что напишу две серии книг: одну по философии научных дисциплин от математики до физиологии, другую — по социальным вопросам. Я надеялся, что в итоге где-то на их пересечении возникнет научный и вместе с тем практический синтез. Идеи, вдохновившие этот план, были в основном гегельянскими. Тем не менее в последующие годы я до некоторой степени — настолько, по меньшей мере, насколько можно ожидать — следовал ему. В отношении моих целей это был важный и определяющий момент»* <...>

Теперь несколько слов об истории текста. Помимо литературной работы одной из обычных для Рассела форм заработка были лекционные туры. Именно для одного из таких туров и была в начале 1950 г. написана данная лекция. До выступления перед Нобелевским комитетом Расселу как минимум дважды уже приходилось читать её перед иной аудиторией. Поэтому первым вариантом, в котором существует эта лекция, является архивный черновик Рассела. Вторым должна быть протокольная аудиозапись с церемонии вручения, копия которой должна храниться в архиве Нобелевского комитета. Третьим — текст, записанный на основе данной аудиозаписи для сборника речей нобелевских лауреатов. Данный текст содержит несколько пропусков отдельных слов и коротких фрагментов, связанных с техническими трудностями восприятия на слух с устройства, не имеющего удобной функции обратного частичного отматывания записи. Именно этот текст опубликован на сайте Нобелевского комитета. Четвёртым вариантом является грампластинка, записанная в 1952 г. специально для американской аудитории. И последним, пятым, — текст соответствующей главы в книге «Общество со стороны морали и политики», который, несмотря на небольшие сокращения по сравнению с устным выступлением, наиболее удобен в отношении определения авторской пунктуации и выделений.

Текст Нобелевской лекции Рассела неоднократно переводили на другие языки, но чаще всего не как самостоятельное произведение, а как главу вышеупомянутой книги: в 1955 г. на финский и шведский, в 1956 г. на немецкий и на португальский, в 1957-м на испанский, в 1958-м на корейский, в 1960 г. на арабский, в 1970 г. на персидский, в 1981 г. на японский, в 1986 г. на итальянский,

* *Russell B. Autobiography. London, 2009. P. 116.*

а в 1992 г. на китайский. Исключение составляет французский перевод 1962 г., сделанный в рамках сборника речей нобелевских лауреатов.

В русскоязычной литературе настоящая попытка перевести Нобелевскую лекцию Бертрана Рассела является, насколько позволяют судить открытые источники, третьей. Первый перевод был опубликован в 1998 г. заслуженным деятелем науки Российской Федерации, доктором филологических наук, профессором Московского городского педагогического университета Б. А. Гиленсоном под заголовком «Какие мотивы человеческого поведения влияют на политику?». Я не располагаю данными относительно того, какие материалы находились в распоряжении Гиленсона при работе над переводом. Но, вероятно, в основу перевода был положен слегка сокращённый текст речи, не содержащий ремарок, которые могли бы указывать на взаимодействие оратора и аудитории. Для читателя-англофона, знакомого с бытовыми реалиями Запада, историческими и литературными аллюзиями Рассела, это не играет особой роли — он всё равно в состоянии отличить серьёзное утверждение от иронического. Более того, носители английского языка при чтении речи могут воспринять наличие указаний на реакцию зала в стиле стенографического отчета как излишний педантизм. Но для автора первого русского перевода отсутствие подобных ремарок способствовало тому, что его русский текст оказался полон грубых ошибок. Под грубыми ошибками я понимаю такие ошибки, в основе которых лежит прямое искажение оригинала ввиду непонимания грамматических конструкций, фразеологических оборотов, бытовых реалий или пропуска по небрежности фрагментов текста, а вовсе не индивидуальное толкование переводчиком тонкостей исходного текста. Приведу несколько примеров для иллюстрации масштаба отклонений:

Перевод Б. А. Гиленсона	Вероятный исходный текст Рассела	Мой комментарий
Какими бы сильными ни были желания, они, как правило, лишены особой политической мотивации. Большинство людей на определённом этапе жизни	There are some desires which, though very powerful, have not, as a rule, any great political importance. Most men at some period of their lives desire to marry, but as a rule	В первом предложении пропущено ключевое слово some (некоторые), an importance необъяснимым образом превратилось в «мотивацию» вместо

<p>хотят жениться, но, как правило, они реализуют эту потребность, не прибегая к каким-либо политическим акциям. Есть, конечно, исключения — например, изнасилование женщин в австралийском городе Сабине*. Развитие северной Австралии серьёзно тормозится тем, что молодые люди, вынужденные там трудиться, недовольны своей полной изоляцией от женского общества. Но подобные случаи — нетипичны. В целом же взаимный интерес мужчин и женщин слабо воздействует на политику.</p> <p>* Имеются в виду нападения на женщин в австралийском городе Сабине, где в силу исторических условий мужское население преобладало над женским. — <i>Прим. Б. А. Гиленсона</i></p>	<p>they can satisfy this desire without having to take any political action. There are, of course, exceptions; the rape of the Sabine women is a case in point. And the development of northern Australia is seriously impeded by the fact that the vigorous young men who ought to do the work dislike being wholly deprived of female society. But such cases are unusual, and in general the interest that men and women take in each other has little influence upon politics.</p>	<p>«значимости, важности, веса». В третьем предложении переводчик не сумел распознать отсылку к эпизоду древнеримской истории, известному в русской литературе как «похищение сабинянок», и стал фантазировать, распространив свою фантазию на примечание.</p>
--	--	--

<p>Однажды я совершил визит к императору и папе...</p>	<p>On one occasion I had a visit from the Emperor and the Pope simultaneously.</p>	<p>Перевернуты субъектно-объектные отношения. To have a visit — иметь гостя, быть посещённым. To make (pay) a visit — навестить кого-то, совершить визит.</p>
<p>Если вы предложите своему боссу уйти из офиса на каком-то законном основании, его любовь к власти позволит ему с наслаждением от этого отказаться, нежели согласиться.</p>	<p>If you ask your boss for leave of absence from the office on some legitimate occasion, his love of power will derive more satisfaction from a refusal than from a consent.</p>	<p>To ask for a leave of absence — попросить отгул. To ask someone to leave — попросить кого-либо уйти, выйти вон, покинуть помещение.</p>
<p>Краснокожие индейцы, все еще никак не поддающиеся влиянию белых, курят их папиросы, но не так спокойно, как это делаем мы...</p>	<p>Red Indians, while they were still unaffected by white men, would smoke their pipes, not calmly as we do...</p>	<p>Во-первых, трубки, а не папиросы. Во-вторых — свои, а не «их»; иначе складывается впечатление, будто индейцы как-то хитроумно изымают папиросы у белых. В-третьих, речь идёт о прошлом, а не настоящим.</p>
<p>Если говорить по-серьёзному, то болевые ощущения полезно использовать в качестве эффективного средства для любителей острых ощущений.</p>	<p>More seriously, pains should be taken to provide constructive outlets for the love of excitement.</p>	<p>To take pains — стараться, прилагать усилия. Выражение имеет переносный смысл и не связано с буквальной физической болью.</p>

<p>Но если какой-то заезжий визитёр попробовал бы нас также уверить, что и русские — наши братья...</p>	<p>But if some fellow-traveller were to go on to say that the Russians also are your brothers...</p>	<p>Данное место при всей своей простоте переведено неверно не только у Гиленсона, но и в «Юности», а потому требует пояснения. Английское fellow-traveller является калькой... русского слова «попутчик». Оно пришло в английский политический лексикон из литературно-критических статей Л. Д. Троцкого, сохранив там пренебрежительный оттенок, но по прямо противоположным причинам, чем в оригинале. Поскольку излишнее знакомство с историей вопроса до смерти И. В. Сталина могло стоить переводчику жизни, а до перестройки — свободы, то неудивительно, что память об этом английском руссизме утасла.</p>
<p>Преодоление страха достигается двумя способами: один — это ослабление внешней опасности; а другой — выработка стоической выносливости.</p>	<p>There are two ways of coping with fear: one is to diminish the external danger, and the other is to cultivate Stoic endurance.</p>	<p>Stoic endurance, stoicism — выражения, часто используемые Расселом. В разговорном смысле они не имеют отношения к стоицизму как философской доктрине, а означают попросту «выдержку». Слово stoic в словосочетании stoic endurance нужно лишь для того, чтобы было понятно, что речь идёт о моральном качестве, а не о физической выносливости (endurance).</p>

<p>Если положение исправится, первым и действенным шагом станет поиск путей ослабления страха.</p>	<p>If matters are to improve, the first and essential step is to find a way of diminishing fear.</p>	<p>Тут нарушено и время, и модальность глагола, и подчиненность составных предложений. Частая у Рассела конструкция [if + subject + is/ are + инфинитив] примерно в 3 случаях из 4 без потерь переводится придаточным предложением цели с союзом «чтобы/ дабы» или обстоятельством цели с предлогом «для/ ради».</p>
<p>...odium theologicum [sic] (т. е. религия ненависти)...</p>	<p>...odium theologicum...</p>	<p>Латинское выражение «богословская ненависть» служит напоминанием о том градусе эмоций, которого в Средние века достигали богословские прения. Применительно к более близким нам эпохам это скорее аналог «идеологической одержимости».</p>

<p>Моралисты ответят, что мы не способны стать абсолютно своекорыстными, что это неосуществимо, пока не наступит золотой век.</p>	<p>Moralists will see to it that we do not become wholly selfish, and until we do the millenium will be impossible.</p>	<p>Тут целый клубок синтаксических и семантических искажений. Во-первых, зависимость ровно обратная — золотой век не наступит, пока мы не станем эгоистичны, а не наоборот. Во-вторых, моралисты не просто пассивно констатируют факт нашего бескорыстия, но активно постараются уберечь нас от соблюдения собственной выгоды. В-третьих, выражение <i>see to it</i> означает «принимать меры для чего-либо, следить за осуществлением чего-либо» и т. п. Это «что-то» обычно, как и в данном случае, выражается придаточным предложением с <i>that</i>. Чтобы интерпретировать <i>see to it</i> как «ответить», нужно изначально прочитать его как <i>say to it</i>, что, по всей видимости, и произошло.</p>
---	---	--

Данный набор примеров далеко не исчерпывающий, а служит лишь образцом встречающихся в тексте проблем. Искажения меньшего порядка содержатся, как правило, в каждом абзаце. При беглом нестрогом подсчете я заметил 60 существенных и 35 мелких переводческих просчетов и три пропущенных фрагмента текста. Справедливости ради необходимо отметить, что подобные ошибки показательны не только для данного текста Гиленсона, но и для многих других переводчиков Рассела на русский язык, работавших в 1990-е гг. и начале 2000-х гг. Дело тут не только в личном уровне компетентности переводчика, но и в плохой доступности в тот период справочных материалов и в господствовавшем тогда общем организационном подходе, согласно которому задача перевода рассматривалась издателями в лучшем случае как чисто техническая, канцелярская, ординарная — количественная, а не качественная, а в худшем — и вовсе с чисто хозяйственной точки зрения как источ-

ник дохода, если у издания был спонсор, или как убыточная операция, если для возмещения расходов приходилось полагаться на милость рынка. Близкого уровня неточности, хотя и значительно реже, чем у Гиленсона, можно обнаружить в русских изданиях таких книг, как «Практика и теория большевизма», «История западной философии», «Мудрость Запада», «Искусство мыслить», «Брак и мораль».

Можно предположить, что именно недостатки первого перевода Нобелевской лекции Рассела подтолкнули в 2001 г. анонимного переводчика журнала «Юность» опубликовать собственный вариант под заголовком «Какие желания имеют значение для политики? (из Нобелевской лекции)». Данная попытка представляла собой явный шаг вперёд по сравнению с первой, но её также нельзя считать удовлетворительной. Хотя случаи прямых ошибок перевода там единичны, они всё же имеются (например, изгнание Чан Кайши превратилось в его «появление», а деление столбиком (*long division*) в предложение «делить очень долго»). Однако главный недостаток данного текста состоит в наличии обильных купюр (около четверти объёма текста) и, как следствие, частичной логической нестыковки фрагментов оставшегося текста. Кроме того, следует признать недостатками отсутствия указаний на источник оригинала и принцип, по которому производились изъятия, а также анонимность переводчика. Для обозначения того, что именно было опущено в публикации «Юности», я выделил соответствующие фрагменты в своём тексте фигурными скобками.

Что касается моего собственного варианта, то он представляет собой максимум того, что в настоящее время можно извлечь из публичных сетевых и библиотечных источников без использования архивных данных. В отличие от предшественников, у меня в работе над переводом была возможность опереться не только на сокращённый печатный текст речи, но и на две её аудиозаписи. Это, во-первых, двухминутный фрагмент, доступный на сайте *Nobelprize.org*, то есть часть того, что выше я обозначил как второй вариант речи. Он позволяет восстановить слово «американцы», отсутствующее в большинстве печатных версий текста речи, но совершенно необходимое для объяснения неожиданного появления американского сленгового выражения в устах английского лорда, выступающего перед шведами. Во-вторых, это почти полная аудиозапись выступления, доступная на сайте бывшего сотрудника американской радиостанции «КРФА» Джона Уайтинга, посвящённом истории этой радиостанции, неоднократно транслировавшей речь Рассела. Данный источник представляет собой оцифровку популярной в 1950-е гг. в США граммофонной записи Нобелевской лекции Рассела. Эта запись (выше обозначенная как четвёртый вариант речи)

ценна прежде всего тем, что, во-первых, местами полнее печатной версии, а во-вторых, помогает, поскольку фиксирует реакцию зала, устранить двусмысленность и неопределённость там, где в печатном виде не вполне ясно, следует ли воспринимать слова нобелиата в шутку или всерьёз. Эти аудиозаписи во многих случаях послужили основой моих стилистических решений там, где мой выбор отличен от сделанного переводчиками предыдущих версий. Все элементы выступления, восстановленные с помощью аудиозаписей, приведены в квадратных скобках.

Кроме того, я хотел бы дать несколько пояснений к тем случаям, где мне пришлось пожертвовать буквальными словами Рассела для более точной передачи духа его высказывания. Во-первых, это касается словосочетания «dance hall», которое я перевожу как «студия танцев» ввиду того, что его буквальный перевод как «танцплощадка» мгновенно противоречит элементарному бытовому факту, доступному наблюдению любого современника, хоть раз в жизни видевшего танцы в американских ночных клубах или на русских дискотеках. Рассел старается противопоставить художественное соперничество более агрессивным формам конкуренции, но современная «танцплощадка» способна сломать всю логику расселовской аргументации. Во-вторых, точно так же для сохранения общей логической стройности и цельности восприятия речи я отказался переводить выражение «mother-nature» как «мать-природа», чтобы уйти от лишних фрейдистских коннотаций борьбы с родителями, которые возникают при буквальной передаче расселовских слов.

В заключение я хотел бы сердечно поблагодарить представительницу «Nobel Media» г-жу Аллегру Гревелиус (Allegra Grevelius) за любезно предоставленное разрешение на публикацию перевода Нобелевской лекции Б. Рассела в «Социологическом обозрении», а Почётного архивиста Центра расселовских исследований университета Мак-Мастер и главного редактора журнала «Russell» д-ра Кеннета Блэкуэлла (Kenneth Blackwell) за разъяснение библиографической путаницы с различными изданиями грампластинки Рассела.

